

ЗЕМЛЯКИ

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ

(Азербайджан – Россия)

ЯНКЕЛЬ И ПУСТЫЕ ХОЛМЫ

Рассказ

Памяти отца, Исаака Милькина

«Вымирают не только редкие виды животных, но и редкие виды чувств».

Джон Фаулз «Волхв»

Чтобы тренькнуть в утренний кусочек неба или в открытое путеводно-звездное пространство, для начала надо хоть какой-то номер набрать. Надо бы!.. Но, во-первых, Янкель, пережив общепитовских пельменей, возлег на боку, точно на древнем симпозиуме, полусонно разглядывая серую паутину двух старинных гравюр на стене, во-вторых, телефон сам ожил! Обрубив тугие сплетения мыслей, навеянных очень личным, Янкель успел отметить про себя, что в плохую погоду телефонному звонку многое прощается. Вообще-то в будние дни телефон Янкеля Берешковского, букиниста и вольного копейщика, трудился с самого утра до девятнадцати ноль-ноль, но вот по вечерам и в выходные... Оттолкнувшись затекшей рукой от диванной подушки и окинув полусонным взглядом свое одиночество, Янкель, не без душевного скрипа, поднялся, нерадиво схватился за трубку. Кто-то на вполне сносном азербайджанском наречии запрашивал какого-то Мансура Халладжи (или Калладжи, а может, Галладжи). Берешковский насторожился.

– Как здесь не живет?!

От давно не слышанных слов, переводить которые приходилось на лету, внутри будто квашня начала всходить. Отвечать следовало незамедлительно, но как?..

– Ты его раньше знал.

Берешковский кинулся припоминать бакинских знакомцев, порушенные давним отъездом связи.

– Сдаешься, книгоящер? Тогда перехожу на русский, – тут в скользкой трубке прыснули, точно из распылителя, отчаянно сдерживаемым смехом.

И Янкель наконец признал своего ветхозаветного друга из шафрановых широт. То был неисправимый оптимист и безупречный романтик Леонид Марчик, иначе, по-школьному, – Мудрик, которому в очередной раз удалось развести Янкеля.

– Мурло старое! Вечно клюю на твои кунцесы! – Берешковский зачем-то вскинул руку в приветствии.

Оба смеялись, соревнуясь в колкости подначек. А потом, как всегда, принялись неспешно прогуливаться по старому азербайджанскому некрополю, припоминая ветра и сквозняки прошлого, не переименованные еще улицы, по которым и пеше, и конно, и в одинаковых снах... Друзей и приятелей вспоминали, ушедших в мир иной родителей. Через некоторое время Леонид напомнил Янкелю, что все еще играет в театре Михаила Литина, и пригласил на премьеру мелодрамы «Стражники света».

– Сага об электрификации, что ли? – поинтересовался Берешковский.

– И об электрификации тоже. Ты что, забыл, что я главный монтер в саду «Эрмитаж»?

Как большинство его коллег по актерскому цеху, Мудрик отличался страшной мнительностью и суевериями эпохи пышных бакенбардов и папильоток: в дни премьер ходил он понуро в одном и том же свитере, педантично «контролировал диафрагму» и хотел, чтобы в зале непременно присутствовали испытанные временем друзья. Верность, проверенная годами, – вот что надобно было Мудрику в дни премьер.

Благодаря этому странному Леонидову свойству привыкший к многократным перевоплощениям его души Янкель имел приятную обязанность посещать все премьеры, в которых участвовал Марчик. Сидеть посередке, непременно в пятом ряду, чтобы Леонид, в случае внезапно настигшего его валидольного мандража, мог легко обнаружить земляка.

– Может, еще платочком вышитым тебе помахивать?

– Лучше пригласи какую-нибудь из своих восточных зазноб с плотоядными глазами, только чтоб хрень всякую не несла, а то я знаю твои пристрастия.

– Я тоже знаю вашу артель заслуженных Российской Федерации.

После второго развода Берешковский дал себе обет избегать женщин, встречи с которыми могли бы перерасти во что-то серьезное, тем не менее, к концу недели пригласил-таки Симочку сходить вместе с ним в театр.

Сима была без ума от постановок Литина. Подолгу просеивала спектакли внутри себя, восхищалась продуктивными находками театрального демиурга.

Был холодный ветреный вечер. Из тех ранотемнеющих, ноябрьских, что отличаются исключительной свирепостью ветра на площадях и перекрестках.

Пошел шестой снег со дня кончины матери и первый после ухода отца, и был он как пробный, пока что не имеющий счета, – не то чтобы январский, с которым живет под крутую горку, но все же снег. Снег, ничего не обещающий, только подтверждающий то, что и без него давно было подтверждено.

Янкель так и не выкроил времени сменить лысую летнюю резину на зимнюю, да и колодки давно следовало заменить, потому, предусмотрительно оставив машину на рыночной площади у метро, вынужден был просить Симу подобрать его в городе.

На Кропоткинской Янек не без труда влез в ее полуспортивный «англосаксонец», пахнувший натуральной кожей, благородным пластиком и лаком для ногтей.

Дорогой, пробиваясь сквозь пробки на ретроавтомобильной скорости, говорили под джазовое «курлы» о любимых книгах. С литературы перепорхнули на город его детства. Берешковский, собрав Мнемозинину пыльцу, вздохнул, сказал туманно в лобовое стекло: «Со временем все города постепенно превращаются в Баку».

Симе стало жалко Янека. Она попробовала разглядеть в Москве далекий и чуждый ей восточный город на берегу какого-то там моря-озера. Омыла стекло пахучей жидкостью, по которой тут же заскользили резинки, но так и не нашла ничего, кроме замызанного бампера впереди идущей машины.

Избранная публика. Господа в новых костюмах, дамы в длинных платьях с новыми прическами. Скрытая демонстрация нескромных ювелирных украшений. Змеиный клубок театральных обозревателей. Друзья по цеху, начиненные взрывчаткой профессиональной зависти.

Первый звонок дали ровно в семь, тогда же начали впускать в зал, а через двадцать минут потушили свет, будто навсегда. Стоило подняться занавесу, как актеров встретили прицельные сухие выстрелы. Янкель подумал, что Леонид вообще-то прав, приглашая близких на такого рода мероприятия. Но вскоре уже премьерная публика отвечала на игру в меру раскрепощенным курортным смехом, поощрительными, с запасом на второе отделение, аплодисментами.

Премьерное возбуждение всегда как-то особенно объединяет зрителей. Янкель решил этим воспользоваться по-своему и отправил руку кругло блуждать по Сими-

ному колену, отмахиваясь от мысли, что уже дважды отец в двух с половиной распавшихся браках. Рука и с такими прелестными ямочками колено вскоре начали обмениваться электричеством. И было все хорошо, пока одна из героинь не запустила грубо с авансцены, в середину пятого ряда: «Не трогай меня грязными лапами, любо-страстник!» Янкель, хоть и был уверен, что таковым не является, на всякий случай убрал «лапу». Симочка в ответ заботливо поправила съехавшие часы на запястье руки, которая почти срослась с ее коленом. У Янека же возникло чувство, будто он только что справился с неприятной ситуацией.

На сцене тем временем всю разворачивались события. Лоло Розенблюм, главный герой, в два приема переросший своего дядю (Леонида), наконец устроился поверенным у известного адвоката, дальнего родственника Розенблюмов. Маленькая зарплата, серые будни, чемодан, в котором Лоло прячет фотографию сгоревших в огне Холокоста родителей. Правда, во втором акте, в один обыкновенный зимний день в жизни Лоло все меняется. Он неожиданно теряет работу, зато знакомится с очаровательной Катрин (лихо заломленная шляпка, звонкий голос). Жизнь накренилась в дружной семье британских Розенблюмов. Интеллигентные Самуил и Фанни не сразу смогли согласиться с тем, что безработный племянник намерен взять в жены «гойку с ребенком» (дочь Литина). И только душевная чуткость и отзывчивость, присутствующие героям, помогли созданию новой семьи. В том, что молодые будут счастливо блюсти законы субботы в доме на холме, не сомневался уже никто, даже почетный «стражник света» дядя Самуил. Вот только почему в оригинале пьеса, если верить Леньке, называлась «Пустые холмы»? Как эта пустота связана с чемоданом Лоло? Литин тут явно что-то переиначил. И где же обещанное Ленией электричество?

Когда зрители, словно увидев вдали легкий парус и забыв, что парус всегда кажется легким только с берега, потянулись к выходу, Янкель, придерживая Симу за талию, – «Сима, я прошу осторожнее, здесь так темно у Литина, и ступени крутые...» – направился по извилистым переходам и лестницам в лицедейную Марчика.

– Я знаю Леньку с бакинского детства, поверьте, он с нетерпением ждет наших поздравлений и уверений в его исключительной талантливости...

– Разве это не правда, разве он не хороший актер?!

– Ты считаешь, люди в зале за эти два с половиной часа смогли забыть про свои будничные хлопоты и горести? О, кажется, я начинаю ревновать... Сима, что вы со мной делаете, из-за вас я готов предать друга?!

Сима смутилась и немного огорчилась, во-первых, они еще при прошлой их встрече условились перейти на «ты», во-вторых, она вовсе не хотела, чтобы из-за нее предавали друга.

В проходе, ведущем к артистическим, Янкель поздравил с новым спектаклем режиссера Михаила Литина, а заодно пиар-директора Ирину Волкову, коммерческого директора Макса Вельфера и его златокудрую пассию Таню, известную лондонскую галерейщицу, собирательницу современной живописи и лондонградских сплетен.

– Шмургин – блистательный художник, знаете ли, у него такая вязкая, сырая поверхность... – трещала Таня, демонстрируя исключительные познания в живописи, – такой божественно сложный цвет. А в «Тоху и Боху» накладываются еще и французы...

Вельфер тускло молчал, но потом сорвался:

– Тусик, знаешь, для меня писсуар Дюшана – не больше, чем писсуар.

– Оно и видно!.. – взвизгнула Таня точно так же, как та актриса, что потребовала от Янека незамедлительно убрать руку с Симочкиного колена.

Янек предпочел держаться на почтительном расстоянии от галеристки, хотя именно ей был обязан знакомством с Симой. Она представила их друг другу на выставке Ильи и Эмилии Казаковых, за пару минут до исторического дефиле Дарьи Зотовой и комиссара современного искусства господина Закштейна, запечатленного для ближайшей вечности десятком «глянцевых» фотографий.

Рядом с Тусей, расслабленно привалившись к дверному косяку, стоял молодой человек. Янек протиснулся мимо него, не обратив внимания. Только после понял, что это был Дмитрий Аристов, игравший – и хорошо игравший – роль племянника Леонида, того самого, что привел в дом полногрудую джинсовую гойку с ребенком. «Надо и его поблагодарить, нехорошо, талантливый парень». Но пиар-директор Волкова увлекла «все содержимое прохода» в репетиционный зал, обещая душевный фуршет и «совершенно замечательное общение с замечательными людьми».

Янек насторожился, будто его звали прогуляться по шахматной доске: очень бы ему не хотелось повстречаться с кем-то из своих фигур-клиентов, всех, как один, говорливых. Столкнуться на черно-белой «опушке» с одним из приятелей-литераторов или, того паче, неприятелей-критиков тоже не входило в его планы. Однако лишиться Симочку светского общения, к которому так устремлены душой столичные интеллектуальные барышни на исходе рабочей недели, он не решился, потому настроился произносить дежурные слова в количестве, подобающем случаю. Правда, была смутная надежда, что со стороны они с Симой смотрятся как еще не захваченные гроссмейстером король с королевой, и «замечательные люди» не станут им докучать. Вышло ровно наоборот.

Первым «замечательным», вставшим на пути Берешковского, оказалась заместитель главного редактора литературно-публицистического журнала, в котором Янек долгое время вел ежемесячную рубрику «Книжный развал». Она увела смутившегося и уже опечаленного предстоящей разлукой короля подальше от его королевы на водо-соко-кока-кольный угол фуршетного стола, после чего, мешая кедровку с томатным соком в опасной пропорции, начала подготавливать Янекеля к возвращению в прежнее «книжноразвальное» положение. Берешковский слушал невнимательно, учтиво качал головой: его «да» и «нет» на ту минуту объявили перемирие. Она бы еще долго охмуряла Янекеля, если бы не потомственный литературовед, вцепившийся в нее мертвой хваткой.

Вторым «замечательным» человеком оказался Костя Поликарпов. Знаменит Костя был тем, что помогал рублевским коллекционерам собирать «правильные библиотеки». Жил он на широкую ногу. Иногда просил Янека раздобыть ту или иную книгу, случалось, с автографом, что немало усложняло дело. Правда, платил Костя всегда щедро и не торгуясь. Встречи назначал в «Пушкине» либо в «Балчуге», где легко сходил за «друга важной персоны», а иногда и за саму важную персону. Костя предстал перед Янеком в образе человека, разгуливающего по иерусалимскому шугу.

– Кое-кто в нашем городе готов приобрести кое-какие гравюры для своего кабинета.

Берешковский понял, что это надолго, потому как расставаться с шотландскими гравюрами, которые имел в виду Константин, никоим образом не желал, в то же время прекрасно знал, что и Константин, в свою очередь, так просто не сдастся.

Он начал искать глазами Симу – она была единственным человеком в этой черной шкатулке, именуемой репетиционным залом, который мог оторвать его от Поликарпова. Сима стояла ближе к выходу и о чем-то беседовала с Аристовым. Судя по выражению лица, Аристов не до конца вышел из своей роли, разговаривал с ней, как с Катрин, и Симочка была не против примерить на себя лондон-хиллскую жизнь. Янекель был бы рад ошибиться, но опыт дает о себе знать даже тогда, когда ты готов отказать от его услуг.

Берешковскому вдруг страшно захотелось снабдить полетными качествами широкого, патлатого, с потухшей во рту гаванской сигарой Костю Поликарпова, отправить его на другой берег и приземлить мягонько между Симочкой и Аристовым. Но более не подходящего для перелетов человека, чем тяжеловесный, обильно потеющий Костя, трудно было сыскать. И Симочка продолжала говорить, вернее, молчать, глядя на Аристова глазами Катрин.

Потом ей кто-то позвонил, и Аристов смолк. Сима, прикрывая мобильник рукой, отошла в сторону. Янкель подумал, а интересно, часто ли меняют мужчин такие вот молодые еврейские женщины, регулярно посещающие МЕОЦ и увлекающиеся Ициком Мангером, и, не дождавшись зрелого в себе ответа, решил, что, как только Сима поговорит, он достанет мобильный телефон и позвонит ей, услышит ее дыхание, скажет, чтобы шла к нему.

Сима вдруг начала говорить отрывисто, резко, словно выплевывая вишневые косточки. Он по себе знал, когда и в кого женщины вот так «стреляют» косточками. Звонить Берешковскому расхотелось. Да и коньячно-водочные, набитые бутербродами рты наконец завершили полезную работу: Волкова оповестила о выходе Литина на сцену.

Беглое вздрагивание мягко подсвеченных софитами плеч, ленивые повороты голов и усталых спин...

Главреж преподнес черной траурной сцене подарок в виде самого себя – непотопляемого классика, лысого, точно аятолла, с головы которого язычники похабно сбили чалму.

Возблагодарив «за все» тайного спонсора, имя которого все, понятно, не упоминалось, Литин заговорил так, будто собирался покинуть родину. Каждая фраза главрежа, сопровождаемая простудным сипом, начиналась с заглавных букв:

– Режиссер – это машина по переработке космического мусора. Перерабатывать мусор я умею, и «профессиональным евреям» не нужно учить меня тому, как привить дяде-зямяно счастье всему еврейскому народу. Дело в том, что правда – штука труднообъяснимая, в отличие от лжи. Розенблюмы становятся счастливыми не потому, что знают, как им достичь счастья, но потому, что живут выше, чем другие, на холме, подальше от кипучей жизни, отвлекающей людей от главного...

Сима глядела на колоритного одессита заворуженно, ловя каждый жест маэстро – от яростного сжимания намоленного карандаша в руке до чинно передыхавших на лбу после каждого перелета густых черных бровей.

– ...этот спектакль следует смотреть так, как если бы вы сидели на одесском балконе и смотрели на Троицкую или Преображенскую с высоты второго этажа, который в Одессе всегда третий...

Закончив с темой «еврейского счастья», перескочив через спектакль и свой театр, который в глазах некоторых, не будем называть имен, все еще сходит за маленького человека, которому неплохо бы поначалу «сшить шинель по росту», Литин нанес апперкот буржуазному обществу.

Один из представителей этого общества пробился к столу, вернулся с двумя пластмассовыми стаканчиками, от которых исходил резкий парфюмерный запах. Протянул Янеку джин.

– Не могу, я машину у метро оставил.

– От такой «аптеки» не окосеешь. – Поликарпов засмолил коротышку. – Я этому клиенту под дуб рекомендовал настоятельно Вальтера Скотта в телячьем переплете с золотым теснением, довоенное лейпцигское издание, в очень приличном состоянии, на, мол, чувак, загони своих по пояс в землю...

– ...иные режиссеры только и делают, что подстраиваются к требованиям публики...

– ...а потом вспомнил еще про твои гравюры, сказал, что номерные, тысяча во семьсот какого-то там года, от Питера Буха. Он, естественно, в тамтамы, зашелся весь. Говорит, к телячьему Скотту гравюры – самое то...

– Передай своему Айвенго, что они не продаются.

– Мой Айвенго на нефтяной трубе сидит, так сказать, живет в атмосфере нефти и газа, сколько попросишь, столько и даст.

– ...если актер умеет плакать, смеяться и потеть на сцене...

- Добрый дядя. Давай не сейчас.
- Договорились, только смотри, эти люди ждать не любят...
- ...он всегда сумеет увлечь публику, главное, чтобы публика...

Спустив пар, Литин несколько высокопарно поблагодарил присутствующих за внимание, позабыв, верно, что присутствующие были все свои люди, на мгновение склонил мусульманскую голову и как-то по-домашнему просто спустился со сцены, дал какие-то распоряжения Волковой, после чего его крепкая спина показалась в дверном проеме.

Внутри у Янкеля что-то небезопасно натянулось, точно от длинных аргентинских нот Пьяцоллы: слева от двери, в которой исчез хозяин, Янеку семафорила счастливая Симочка. Она стояла с Аристовым и Ленией, откомментировавшим ее искренний жест так, что Аристов, глядя на Берешковского, как-то нехорошо улыбнулся.

Янкель пообещал Поликарпову созвониться в ближайшее время и стремительно, дабы не быть перехваченным еще кем-то из кандидатов в «ЖЗЛ», направился к Симе. Издали она показалась ему совсем молоденькой, и он представил себе, что сейчас говорят о них все эти «замечательные люди».

Через несколько минут они уже неслись по хлипкому паркету в сторону гардероба, мимо фотографий тружеников Мельпомены. Ленка в одолженной у Голливуда гангстерской шляпе проводил их ритуальной дружеской улыбкой последним из труппы.

На улице было чисто, свежо и скользко. Снег уже таял. Фонари растворяли на жирном асфальте тусклые кольца.

Янек принялся считать в уме, на сколько он старше Симы. Получалось на много. «При чем тут возраст, не жениться ведь собираюсь...» Однако, взглянув на Симочку, еще раз убедился в том, что легко с нею не получится. Да и как-то не хотелось ему легко, сколько бы ни улыбался Аристов. В конце концов, мы взрослые люди, нас давно прогнали из рая. И наше существование за пределами всеобщего благополучия делает нас такими, какие мы есть.

С этими неспешными «круговыми» мыслями он перешел вместе с Симой многополосную дорогу с талым снегом по бокам. Насладившись сигаретой, пока Сима прогревала движок, сел в ее «ровер», припаркованный у Петровки, 38.

Вскоре они уже неслись по ночной быстротечной Москве, через Третье кольцо, Лефортовский туннель, в сторону Волгоградки.

– Ты странный был...

– Просто вокруг было слишком много замечательных людей.

– Терпеть не могу экстравертов, – не совсем правильно поняла его Сима и добавила жизнеутверждающе: – Не всех, конечно. А что это за Пантагрюэль вокруг тебя крутился?

– Поликарпов. Костя Поликарпов. Человек с большой тенью и связями в мире чистогана. Мы когда-то вместе работали в магазине «Летний сад». Костя всегда был делягой и циником, торговал «списанными» из Ленинки плакатами советских авангардистов, ну а я ему помогал.

– И куда списывали? – Она поравнялась с мотоциклистом на красном свете, экстремал-всепогодник накрыл их высокооктановым рыком.

– Вестимо, за рубеж. Рублевка тогда ими не интересовалась.

– Полагаю, та была не единственная ваша совместная сделка?

– Были еще со старинными книгами и гравюрами... Он и сейчас хочет, чтобы я продал ему свои гравюры.

– Продашь?

– Да я привык как-то к ним. Они как домашние животные в доме, как мягкая подушка. Но в таких случаях Костя никогда не теряет терпения.

Берешковский ушел в себя, нырнул с головой в историю с шотландскими гравюрами по мотивам романов Вальтера Скотта. Он только устроился в отдел букинистики, когда, словно из свежевспаханного чернозема, пророс странный человек по имени Христофор. Человек положил на прилавок альбом со старинными гравюрами формата АЗ, сказал, что хотел бы продать их. Цену назначил сам. («Это вам не конвейер Дали, они все номерные».) Кажется, полтора миллиона старыми запросил, что в ходу были еще до 1998 года. Янек выписал Христофору накладную, записал телефон и обещал позвонить, как только купят товар.

– Да уж пожалуйста. – И будто разглядел в Янкеле какое-то легкое душевное увечье. – Скажите, вы верите в удачу? Правильно, верьте. Удача, несомненно, существует. вспомните мои слова, когда будете продавать альбом.

– И вам удачи, – вырвалось у Янека, стоило Христофору направиться к выходу.

Христофор заглядывал еще несколько раз, чтобы снизить цену. А после грянул кризис, и больше он уже не появлялся.

Гравюры долго лежали на прилавке рядом со старинными открытками и атласами, пока не зашел как-то Костя Поликарпов, к тому времени уже работавший самостоятельно. Костя предложил то, до чего Берешковский никогда бы сам не додумался, а именно: разбить альбом на равные части: «То, что не по зубам одному, потянут семеро». И нашел пятерых желающих приобрести гравюры по частям. Одним из них, кстати, был Леня Марчик. Еще две гравюры Янек оставил себе и отложил вырученные деньги для Христофора, надеясь, что он когда-нибудь объявится. Не могут же выросшие из-под земли люди с галстуком-бабочкой, мятыми манжетами, без запонок и с фамилией, похожей не то на Калладжи, не то на Галладжинян, пропасть навсегда.

– Ты веришь в удачу? – вдруг спросил Берешковский у Симы с долгой паузой между словами.

Она оторвалась от дороги, взглянула так, будто вера в удачу была запрещена таким людям, как они.

Дальше молчали. Просто мчались по той дороге, которую город посылал им. Магазин света, боулинг, заправка «ВР», рекламный щит, толкающий к трагедии извечного одиночества личности, замшевая чернота промелькнувшего парка, две, словно пришипленные, бомжеватые тени, бредущие в сторону несчастного случая, часы на фонарном столбе (минутная стрелка прыгнула к началу ночи)...

Добравшись до площади возле метро, где он бросил свою машину, некоторое время сидели в «ровере» и слушали шум автомобильной печки, точно музыку мира. Потом Янкель положил руку на Симино колено, как в театре несколькими часами ранее. Но тогда это было движением к будущему, а сейчас – к прошлому со сдвинутой оптикой.

Надо было прощаться. Легко и непринужденно. Однако не вышло. Не нашлись необходимые в таких случаях слова, помешал осторожный, в утешение души поцелуй. И, может, поэтому Сима не уехала сразу, ждала, когда Янек заведется и уедет первым.

Берешковский злился, шлепал по карманам в поисках ключей: автомобильный ключ с брелоком сигнализации всегда висел у него на связке вместе с ключами от дома (дурная привычка – объединять все со всем), но они странным образом исчезли. «Может, я выронил их, пересаживаясь из одной машины в другую?»

Помахал Симе. Она вышла из своего «ровера» без пальто, разморенная салонным теплом.

– Я чувствовала, что ты так просто не уедешь.

Они принялись искать ключи в ее машине. Сима даже достала фонарик из багажника.

– Ленька, попадая в такие истории, всегда читает семьдесят восьмой псалом. Псалом Асафа. Говорит, помогает.

– Есть еще одно средство, старинное: завязывают вокруг ножки стула носовой платок.

– Одно из двух должно помочь. Только где найти стул.

– В Куркино, у меня. Сейчас такое время, что все ключи уже давно в дверях.

И снова энциклопедия ночных дорог, и снова снег, такой же – на пару часов, чтоб жизнь легкой не казалась. Ложится на стекло неизбежностью свыше и мгновенно тает из-за разницы температур, подхватывается щетками, сползает в сторону, в студенистый угол стекла – кусочек материка, кусочек материи. Так вот и мир ткется из неустанных механических движений. Грязь. Под колесами, выше и еще выше... До бетонного разделителя, фонарных столбов и рекламных щитов, нависшего неба. Грязь, в точности такая, какой ее пишут на полотнах преданные столице художники-урбанисты, которые так не нравятся Тане-галерейщице. «Эти выжиматели эмоций сакрализуют московское болото, как спившийся перестроечный интеллигент талон на водку, – бухтит Таня-Танечка, когда трэшевые георгии нисские повергают ее в жесточайшее уныние. – Три месяца сомнительного лета не спасут художника. Весь год он мечтает о синей тени Сарьяна и красит нечто чавкающее родом с Таганской. Кому ж он, ёпрст, в Лондоне по душе придется? Лондону-то что до нашей удавки? Янек, бегите отсюда, на ландо, на бричке, как угодно, бегите по-бунински – навсегда и не прощая».

Сима щедро кропит стекло жидкостью с приятной отдушкой. Помимо основных функций, жидкость еще и закрепляет материи на стеклах авто. Мерцающий бисер огней. Мост. Асфальтовая лента, исчерченная стрелками, пунктирами, полосами, стелется над Москвой-рекой. Указатель на Царицыно. Сима уходит в левый ряд.

Берешковский заметил, что она клонит голову в ту сторону, в какую перестраивается. Это подмеченное им движение вызывает у него прилив теплоты, переходящий в грусть, свойственную немолодому мужчине.

– Переночуешь в комнате сестры, хорошо? – Скорость добавляет ей уверенности, это чувствуется по голосу.

– Интересно, куда ты сестру отправила, замуж что ли?

– Они с мамой в Израиле, приглядываются, хотят навсегда уехать... А ты? Ты не хочешь?

МКАД пуст, даже всегдашних фур не видать, Сима разогналась до ста тридцати, и он, почувствовав повышенную ответственность за нее, решил, что пока не будет отвлекать разговорами.

– Ева – юрист, по совместительству работает дорожным катком. Ева просто примерный адвокат. Дошла до точки и решила свинтить в Израиль. В Хайфу. Вообще, что там ее комсомольская честность и бескомпромиссность сгодятся.

– Расцвели бахайские сады, а я еще тут с вами? Как я понимаю, Ева не замужем?

– Была. За одноклассником. Несчастливая любовь, и все такое. Два года заливала огонь бензином.

Янкель проверяет карманы, достает тяжелую латунную зажигалку, сжимает в кулаке, словно прежде, чем закурить, должен сочинить оду кремню, фитилю и бензину.

– Я к дыму привыкшая, у нас все курят, и на работе, и дома, – разрешила табачную дилемму Симочка и добавила: – Кроме Шломо Занда и меня.

«Кто такой этот Занд? – Янек все-таки закурил и, когда приоткрывал стекло, вспомнил о своей машине. – Без ключа не получится ее открыть, надо ехать домой искать вторые ключи, но как попасть домой, если ключи от дома на той же связке... Придется разбивать стекло. Почему Сима сказала, что я буду спать в комнате сестры? Что хотела этим сказать?»

Начались новостройки. Янек и не заметил, как машина подкатила к шлагбауму. Сима мигнула фарами, коротко просигналила.

Охранник в будке медленно отвел взгляд от журнала, запоминая, на каком месте его прервали, прильнул к окну. Удостоверившись, что свои, поднял шлагбаум.

– Он и его напарник вечно путают меня с Евой.

– Так похожи?

– Путают, и все. Я и Ева – два разных человека. – Сима въехала на закрытую территорию.

Частные владения простирались до самого ельника вдалеке. Дорога вымощена плиткой. Двух- и трехэтажные домики разных цветов с фонариками, окна в частом фламандском переплете, козырьки над дверями, веранды, вспотевшие трубы, чугунные решетки... Немота и покой. Хочется позавидовать, но не знаешь, чему именно.

Странно, но Янек не боялся встретить здесь грубый прием: социальные язвы, казалось, остались за шлагбаумом. И потом, возникло чувство, что он сюда еще не раз приедет.

Сима отворила дверь так тихо, будто боялась, что сестра все узнает.

Она приоткрыла дверь на четверть, еще отмерила примерно столько же и осторожно заглянула внутрь.

И только он успел подумать: «Вот что значит иметь сестру-адвоката», как появился огромный размеров, растрепанный сном кот.

– Знакомься, это Шломо Занд. Шломик.

Кот смотрел на него с укоризной, хотя в глубине своей кошачьей души прекрасно понимал, что происходит всегда только то, что должно произойти.

– А это Ева, – Сима указала на фотографию, висевшую в коридоре. – Мы похожи?

– Немного.

Ева была женщиной лет сорока пяти, годы приглушили ее красоту, но не настолько, чтобы мужчины в силе и при деньгах не обращали бы на нее внимания. Она принадлежала к той породе ассимилированных еврейских дам, что всю жизнь гипнотизируют пространство впереди себя.

Ему показалось, Ева улыбнулась, приняла его в этом доме.

– Ну вот, кажется, и познакомились, – хмыкнула Симочка, когда он наконец отвел взгляд от фотографии, и провела Янека, потирающего руки, словно на улице стояли сибирские морозы, на кухню.

Сейчас, у себя дома, Сима выглядела совсем по-другому. От нее исходил слабый старомодный запах: смесь какого-то благородного, из прошлой жизни, табака и конфет, долго пролежавших в шкафу. Стало грустно и стыло на душе. И чтобы избежать этого душевного укачивания, Янек объединил в сознании находившуюся далеко Еву со стоявшей рядом Симой.

Шломо, однозначно принадлежавший к породе котов, успешно пользующихся беспроводной связью, по-хозяйски возлег на диване, заключив выгодную сделку с невидимыми покровами судьбы.

Берешковский сделал решительный шаг по направлению к Симе. Какое-то время они смотрели в глаза друг другу, а потом он, мысленно расставшись с последней своей партнершей – директором ювелирного магазина (поспешная связь трехмесячной давности), прижал Симочку к себе, уловил и собрал за ее маленьким ухом ту теплую волну, которую прежде не слышал.

– Сколько раз ты был женат, Янкель? – спросила его то ли Ева, то ли Сима.

В его положении следовало бы пренебречь честностью, но Берешковский, так и не научившийся лгать вообще и женщинам, в частности, нашел выход из положения.

– В судьбе случаются такие повороты, которые требуют особой подготовки и особого опыта. – Он вжал ее в себя так крепко, как мог.

Сима вскинулась:

– Я сейчас не могу, я не уверена... я должна, понимаешь...

Жизнь научила его в эти мгновения не понимать женщин, слышать только себя, с юности накаленного природой юга, чтобы потом не говорить: «Однако казусная история вышла. И что вы намерены делать, реб Янкель?»

Он поднял Симу на руки, но не знал, куда ему идти. Сима закусила губу, едва сдерживая смех. И тогда он решил пойти наугад. Она шептала ему на ухо: «Тепло», «Холодно», «Тепло». Берешковский наконец зашел в какую-то темную комнату с диваном, и Сима сказала: «Очень горячо».

В этой комнате у мебели было много углов. К тому же он чуть не опрокинул журнальный столик.

– Я так не могу, подожди...

Но он уже не слышал Симу.

Он бы не достиг всего так быстро, если бы ее тело не было согрето домом и каким-то природным душевным равновесием, сродни поднимающемуся дымку над крышей в предрассветном чистейшем воздухе...

Сима включила торшер, села, подобрав под себя ноги. Круглые колени, подгибный мешочек в пупырышках, тонкие щиколотки – все это было превосходнейшим приложением к печальному еврейскому лицу, аристократичным манерам и глуховатому голосу...

Зашел Шломик, запрыгнул к ней на колени и включил мантру.

– Янек, скажи честно, с ключами это ты ведь придумал?

– Конечно, – соврал он.

– Я так и думала... – Сима улыбнулась краешками губ и отпустила остатки напряжения.

И все было хорошо, как не бывает, пока он не увидел на стене шотландские гравюры Питера Буха, ту самую пару, которую продал Леониду. Как и когда они сюда попали?

– Что-нибудь случилось? – забеспокоилась Сима.

– Да, пару месяцев назад я встретил тебя на выставке Казакова.

Она прижалась к нему, как ребенок, и он подумал, что мужчинам его возраста с такими долго нельзя, они вряд ли окажутся приобретением, скорее – еще одной потерей.

– Янкель, в вашем положении я бы не стала так торопиться с выводами...

Он почувствовал, как тяжело дались ей эти слова, и, в очередной раз удивляясь женской интуиции, отругал себя за то, что мог так подумать.

– Откуда у тебя эти гравюры?

– Это не мои, это Евины. Ей подарил один человек.

– Я его знаю?

– Да. Все хорошо? – спросила она, как обычно спрашивают в американских боевиках.

– Даже лучше, чем ты думаешь.

Янкель представил себе, как Сима придет к нему, увидит те же шотландские холмы на гравюрах исчезнувшего Христофора, как он скажет ей: «Это чтобы ты чувствовала себя, как дома».

– Видишь, там на гравюрах холмы? Пустые, никого нет, только свет пробивается сквозь тучи, я бы хотел, чтобы мы их осваивали вместе.

Она улыбнулась, как улыбаются все женщины, когда понимают, что уже одержали победу.

В комнате стало тихо, и Янкелю казалось, он слышит, как гудит электричество в проводах.